

**Владимир
АКСЕНОВ**

г. Санкт-Петербург

Два выстрела в русскую литературу

* * *

**27 января 1837 года
пуля из пистолета Дантеса
сразила Александра Пушкина.
Прошло четыре с небольшим года,
и 27 июля 1841 года**

**отставной кавалергард Мартынов
застрелил Лермонтова.**

**Россия дважды испытала шок.
Как такое могло быть допущено?
Кто виноват?**

Ответа не было.

**Если бы кому-нибудь вздумалось
указать на царский дворец –
его бы сочли сумасшедшим...**

**Напротив, от императора ждали
какого-то дознания, сообщений,
но официальная власть
хранила молчание.**

Ночь на 27 янв. 1837 г. Лейб-медик д-р Арендт доложил Николаю I, что рана Пушкина, нанесенная Дантесом, смертельна и смерть близка. Следствием этого была записка императора умирающему Пушкину. Вот что сообщает по этому поводу кн. Петр Вяземский: «Ночью возвратился к нему (Пушкину) Арендт и привез ему для прочтения записку, карандашом написанную государем, почти в таких словах «Если бог не приведет нас свидеться в здешнем свете, посылаю тебе моё прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся: я беру их на свои руки». Пушкин был чрезвычайно тронут словами и убедительно просил Арендта оставить ему эту записку; но государь велел её прочесть и немедленно возвратить». Приказание немедленно вернуть записку наталкивает на мысль о нежелании императора позволить прочесть записку, кроме Пушкина, кому-либо ещё, о содержании в ней некоего подтекста, завуалированного смысла. Царь торопился, написав своё послание карандашом, такая поспешность была вызвана критическим состоянием поэта. О неременном желании царя успеть доставить записку упоминает Жуковский: «Около полуночи приезжает за Арендтом от государя

фельдъегерь с повелением немедленно ехать к Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно государем к нему написанное, и тотчас обо всем донести. «Я не лягу, я буду ждать», – стояло в записке государя к Арендту. Письмо же приказано было возвратить». Что же должен был понять Пушкин, в чём иносказательный смысл послания? Нет надобности искать подтекст в совете умереть христианином. Поэт исповедался и причастился 27 янв. вечером, кроме того, Пушкин попросил княгиню Долгорукову съездить к Дантесу и сказать, что прощает ему. Не у каждого современного читателя сразу укладывается в сознании, как можно стреляться насмерть; будучи пораженным пулей Дантеса, превозмогая боль, прицельно выстрелить и ранить его; заявить д'Аршиаку, секунданту Дантеса, о возобновлении дуэли, как только будет возможно, и через какое-то время, осознав, что смерть близка, – простить! Но это прощение и есть высокий акт христианской веры. Душевное состояние поэта в последние часы приоткрывает П. А. Плетнев: «Начало мирному общежителю положил для меня Пушкин в последний год своей жизни. Любимый со мною разговор его, за несколько недель до его смерти, всё обращен был на слова «Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение». По его мнению, я много хранил в душе моей благоволения к людям». Остающимся жить – прощение! Поразительная высота и религиозность духа. Теперь о другом прощении, о словах из царской записки «посылаю тебе моё прощение». О какой вине идет речь? Не прощал ли Николай участия в дуэли? Известно, что царь после первого вызова Пушкина в адрес Дантеса обязал поэта при возможном возобновлении конфликта известить его об этом через Бенкендорфа. Но оповещение Бенкендорфа означало бы желание уклониться от поединка. По неписаным правилам дворянин – а Пушкин принадлежал к дворянскому сословию – мог распоряжаться своей жизнью для защиты чести. Запреты властей в таких делах игнорировались. Кроме того, смертельно раненному участнику поединка в прощении нет нужды. Теоретически прощенным мог бы стать Дантес. Становится ясным: вину поэта царь видел в чем-то другом. Не прощал ли он долги, обещая пенсию жене и детям, которых «брал на свои руки»? Но Пушкин совмещал только ему присущие качества: он был одновременно и гордостью России, и изгоем двора по придворной иерархии и обеспеченности. Жалованья в 5 тыс. рублей Пушкину не хватало. По

его расчетам, для жизни и работы необходимо было 25 тыс. в год. Долги за четыре года составили 60 тыс. В итоге прощать императору было нечего, если не принимать во внимание ещё одно обстоятельство. Наталия Николаевна не так отвечала на знаки царского внимания, как хотелось бы императору.

Пленение царя красотой Наталии Николаевны – факт известный. Со слов Нащокина, сам Пушкин говорил ему, что Николай, как офицершкa, ухаживает за его женою; нарочно по утрам по нескольку раз проезжает мимо её окон, а ввечеру, на балах, спрашивает, отчего у неё всегда шторы опущены. Именитые сановники, по рангу не чета Пушкину, почитали за честь благосклонность царя. Характерное свидетельство Галле-де-Кюльтюра относительно другой красивой женщины, жены одного из высших сановников империи: «Графиня Воронцова – единственная женщина, которая посмела сделать исключение из правил (идти навстречу любовным желаниям императора Николая). Легкомысленная молодая женщина, которой отнюдь не приписывают добродетелей Лукреции и суровости римских матрон, из гордости или из расчета выскользнула из рук царя, и это необычайное поведение доставило ей известность». Одного такого свидетельства достаточно, чтобы стали понятными и царские неудовольствия поэтом, и мундир камер-юнкера, и недостаток жалованья – всё зазвучало в прощении Николая, обрело смысл. Возникает вопрос: не воспользовался ли Николай более действенным способом влияния на поэта, не сыграл ли здесь наемнической роли Дантес? При таком подходе «прощение» в записке могло быть понято в том смысле, что поэт слишком долго испытывал терпение императора и сам накликал беду. Не это ли скрытно от окружающих хотел донести до Пушкина Николай? Интимные отношения между императором и Наталией Николаевной, имевшие место между двухлетним пребыванием её на Полотняном заводе после дуэли и браком с Петром Ланским, также наталкивают на подозрения, тем более что эти отношения не были похожи на непродолжительные связи Николая с другими красивыми женщинами, обратившими на себя его внимание. Основным побудительным мотивом для поиска причастности Николая к поединку служит странное несоответствие ряда поступков Дантеса с общей линией его поведения. После вызова Пушкина, посланного им в ответ на получение пасквильного диплома, Дантес заявляет о готовности жениться на Екатерине Гончаровой,

сестре Наталии Николаевны. Намерение сгладить конфликт не вызывает сомнения. Чем объяснить, что после свадьбы преследование Наталии Николаевны Дантесом в свете усилилось до того, что Пушкин был вынужден направить повторный вызов ван Геккерену? Должна быть причина, по которой Дантес предпочел стреляться после свадьбы. Фактически он своей вынужденной женитьбой только отсрочил дуэль. Непоследовательность действий Дантеса породила различие воззрений на подоплеку дуэли. До последнего времени предлагались различные версии, но ни одна из них не учитывала интересов царя. С выведением Николая из тени становится понятным каждый маневр Дантеса, что он всего лишь пешка в игре другого лица. Николай и Бенкендорф (шеф Третьего отделения в Собственной Его величества канцелярии и доверенное лицо императора в альковных делах) постарались предусмотреть всё, чтобы подозрения о марионеточной роли Дантеса не возникло в обществе. Это и стало причиной долгого непопадания в поле зрения пушкинистов особы императора Николая. Очень мала вероятность появления каких-то прямых улик, возможно, дневниковых записей, писем, подтверждающих существование сговора; с другой стороны, имеют место факты получения Николаем информации и др., которые без тройственной связи Дантес-Бенкендорф-Николай были бы невозможны.

* * *

Своей красотой Наталия Николаевна обратила на себя внимание сразу по переезде в Петербург в 1831 г. Она была принята при дворе, и через год о ней заговорили как об одной из самых красивых женщин столицы. Благосклонное внимание императора венчало этот светский успех. Чтобы Наталия Николаевна присутствовала на приемах, танцевала в Аничковом, Пушкин был пожалован в камер-юнкеры. Далее, будь на месте Пушкина любой чиновник, всё пошло бы заведенным порядком. Уведомление главе семейства о чести, оказываемой императором. Ответное изъяснение благодарности, при этом в дальнейшем главу семейства, как правило, ожидало служебное повышение. Свет не противился царской воле, она принималась как должное. Считалось, что женщины уступали желаниям императора добровольно. Стоявший над законом Николай держал в своих руках судьбу любого подданного империи. Положение камер-юнкера Пушкина, известного

всей читающей России, было таково, что не отказавшийся от своих намерений Николай должен был искать обходные пути. Если предположить, что между Николаем и его другом Бенкендорфом, так, по крайней мере, его называла великая княгиня Ольга Николаевна, встал вопрос о выборе человека, кто мог бы оказать давление на Пушкина, сделать как-то так, чтобы поэт не мог воспрепятствовать любовной связи царя с Наталией Пушкиной, то Дантес как нельзя лучше подходил для этой роли.

Речь шла о комбинации, хорошо обкатанной при дворах Европы, когда августейшей особе непременно хотелось завладеть женой одного из подданных. Какими же «нужными» качествами обладал Дантес? Прежде всего, сама Наталия Николаевна отличала его среди прочих светских мужчин. Высокий, общительный кавалергард, частый партнер в танцах, он был вхож в дом Пушкина и в дома светских знакомых поэта. Важным было и то, что Дантес – наемник. В Россию он приехал за деньгами. Бенкендорф мог предложить ему деньги, несравнимые с жалованьем поручика. Надо ли говорить, что участие в сговоре шло вразрез с понятием чести французского дворянина и кавалергардского офицера. Здесь есть обстоятельство, заслуживающие внимания. Дантес оставил Францию, не окончив Сен-Сирскую военную школу в Париже. С таким багажом в Германию, куда он хотел наняться на службу, ему был предложен только унтер-офицерский чин, всего лишь ступень к офицерскому званию. В России же он не только офицер – он офицер гвардии одного из самых престижных полков! Взлет превзошел все ожидания. Способствовал карьере молодого соискателя ван Геккерен, голландский посланник при российском дворе. Сближение маститого дипломата и молодого француза произошло еще до появления последнего в Северной столице. По В. Вересаеву, барон ван Геккерен подобрал на большой дороге большого, оказавшегося без денег Дантеса. Встреча произошла в одной из придорожных харчевен Европы, на пути барона из Голландии в Санкт-Петербург. Оставшийся путь они проделали вместе. Фортуна улыбнулась молодому французу, но за место в коляске барона надо было платить. В Северной столице о бароне ходили слухи как о большом приверженце однополю любви, он никогда не был женат, не имел романов с женщинами. Для Дантеса барон – якорь спасения. Ван Геккерен обещает ввести его в свет, и главное – это протекция, чего так недоставало в Германии.

Протекция голландского посланника пришлась как нельзя кстати. Барон, несомненно, знаком с Бенкендорфом и может рекомендовать Дантеса как человека, способного на дополнительные услуги правительству. Бенкендорфом предложение принимается. Императору памятно восстание части гвардии у Сената в 25-м году. Бенкендорфу в кавалергардском полку нужны уши. После беседы Бенкендорфа с претендентом на офицерские эполеты наедине Николай знает, какую службу сослужит ему Дантес. Личного общения между царем и Дантесом не требуется (это дело Бенкендорфа), только аудиенция перед зачислением в полк. Службу Дантес сослужил, но иную.

Позже Николаю потребовался нажим на камер-юнкера Пушкина. Сложностей не предвиделось. Надо было, чтобы Дантес начал ухаживать за госпожой Пушкиной открыто, в свете, не полушутливо, как прежде, отдавая дань замужней красавице. Пушкин будет выбит из колеи, потеряет покой. Может быть, это, в дополнение к долгам, в которых Пушкин вязнет всё больше, сделает его уступчивей?

Такой план с подачи Бенкендорфа вполне мог утвердить Николай. Царь надеялся, что Пушкин – человек не военный, камер-юнкер, будет искать у него справедливой защиты. Дантеса можно было бы послать в действующую армию на Кавказ...

Осенью 1836 г. Пушкин уже с раздражением следил за ухаживаниями Дантеса, принимавшими всё более вызывающий характер. Какие чувства в действительности испытывал Дантес к Наталии Николаевне? Этот вопрос уводит в область предположений. В то же время в Петербурге была женщина, ответившая ему взаимностью. По красоте она мало в чем уступила бы Наталии Пушкиной. Ее имя – Идалия Григорьевна Полетика, дочь графа Строганова, жена ротмистра Полетики, командира эскадрона, в котором служил Дантес; и если любовь Дантеса к Наталии Пушкиной условна, то доказательств его любви к Идалие достаточно. Письма Дантеса, письма Полетики свидетельствуют: страстное чувство разделили и он, и она.

Получалось: светское волокитство за Наталией Пушкиной помогало Дантесу скрывать отношения с Идалией. Еще одна победа кавалергардского поручика над женскими сердцами – любовь к нему Екатерины Гончаровой, сестры Наталии Николаевны. Екатерина влюбилась страстно, безоглядно; он пошел на связь с ней, приняв за благо не отталкивать то, что само отдавалось ему в руки.

К началу светской «увлеченности» Наталией Пушкиной Дантес уже входит в круг петербургской золотой молодежи. Дантес и ван Геккерен оказались настолько довольны друг другом, что молодой француз стал приемным сыном голландского посланника. Их настоящих отношений свет не знает. Тайна – Идалия Полетика. Тайна – Екатерина Гончарова. На виду нечто пикантное: барон Дантес, кавалергард, открыто ухаживает за Наталией Пушкиной. В свете начинаются пересуды. Бенкендорф ожидает развязки, но происходит непредвиденное. Екатерина Гончарова сообщает Дантесу, что она беременна. Для Дантеса это удар. Он понимает: план Бенкендорфа, возможно, сорван. О планах на выгодную женитьбу можно забыть. Екатерина – почти бесприданница; если отказаться от Екатерины, что скажет свет? Ни один русский вельможа теперь не отдаст за него свою дочь! События развиваются быстро. Разговор Бенкендорфа с Дантесом пока остается без последствий. Не обрадован случившимся и ван Геккерен, но встреча с ним всё же должна была успокоить Дантеса, заставить задуматься, что предпринять.

Задуматься было о чем. Светское и дипломатическое положение названного отца, благоволение двора, фатоватая внешность и мундир гвардейца – всё это делало Дантеса одним из самых видных женихов столицы. Уже Маша Барятинская (подруга императрицы) принимала знаки его внимания. В недалеком будущем он видел себя наследником миллионного состояния. Встревоженный ван Геккерен не знает о сговоре Дантес – Бенкендорф – Николай. Для него волокитство Дантеса за Наталией Пушкиной – всего лишь светская интрижка. Кто может запретить молодежи влюбляться!

Беременность Екатерины – дело посерьезней, просчет на грани срыва. Для барона удачная женитьба Дантеса сулила немалую выгоду, еще одну ступень его значимости и состояния. Тем не менее Геккерен – дипломат тертый. Пожурив приемного сына, Геккерен-старший обещает поискать выход, который ищет уже в гостиной графини Нессельроде, одной из влиятельнейших женщин сановного Петербурга. Выбор Геккереном г-жи Нессельроде для обращения за советом и помощью неслучаен. Салон графини – первый в столице. Геккерен входит в круг ее ближайших друзей, кроме того, с мужем графини, министром иностранных дел, он связан по службе.

По неотложному делу барон незамедлительно принят. Графиня внимательна. Конечно, целиком

на стороне Дантеса. Её настораживает смелость молодого кавалергарда: на Наталию Пушкину не прочь бы покуситься сам государь. Улыбается комичности положения, в котором оказался Дантес: все знают, что он сохнет по замужней даме с детьми – беременна же её сестра! Соглашается с невозможностью женитьбы на Екатерине Гончаровой и обещает чем-нибудь помочь. Помощь – разъяснение, кто есть кто – правда, в завуалированной форме – было разослано друзьям и знакомым поэта. Текст пасквильного диплома: «Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев, в полном собрании своем, под председательством великого магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина единогласно выбрали Александра Пушкина коадьютором (заместителем) великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь: граф И. Борх».

Всему Петербургу Нарышкин известен как муж красавицы Марии Антоновны – любовницы Александра I. Намек ясен: жена Нарышкина – любовница Александра, жена «заместителя» Нарышкина Александра Пушкина – любовница... и здесь палец автора пасквиля показывает на Николая. Это бесспорно. Иначе незачем было бы привлекать Нарышкина с Александром I. Можно было бы просто обозвать Пушкина рогоносцем. Определив, что обожателем Наталии Пушкиной является вовсе не Дантес, несмотря на всё его волокитство, автор пасквиля ждет, что беременность Екатерины Гончаровой воспримется светом не столь неожиданной и не вызовет веселых толков. Да и обязан ли Дантес жениться? Что может царь – может и подручный царя. И всё же основное назначение пасквиля – в оскорблении Пушкина званием рогоносца. Автор рассчитал, что на фоне светского волокитства Дантеса за Наталией Пушкиной появление анонимного письма вызовет нетерпимость между Пушкиным и Дантесом. Вызов Пушкина, очевидно, рассматривался как вероятный. Открытая вражда готовила почву к отказу Дантеса жениться, когда беременность Екатерины станет известна.

Порочащий диплом Пушкин расценил не только как направленный против него выпад, но и как своеобразное предложение послать в ответ вызов. В авторстве он заподозрил Геккерена-отца. Вызов Дантесу был незамедлительно послан. Судя по тому, что при принятии вызова никаких разъяснений в непричастности к анонимке со стороны Дантеса не последовало, дуэль для него представлялась менее страшной, чем женитьба

на Екатерине Гончаровой. Дуэль же, как ни парадоксально звучит, позволяла Дантесу оставить, наконец, в покое госпожу Пушкину, поскольку положение, при котором требовались его услуги, менялось коренным образом.

Действительность оказалась иной. После того как о дуэли самим же Дантесом было доложено Бенкендорфу, последовало распоряжение Николая, от которого молодой барон должен был испытать разочарование. Вместо предстоящей дуэли император обязал его вступить в брак с Екатериной Гончаровой. Но почему? Первоначальное недоумение Дантеса, должно быть, было полным. Причина в самом анонимном письме. Если пасквиль содержит намек, что наставляет рога Пушкину Николай, легко сделать вывод: волокитство Дантеса – всего лишь прикрытие августейшей особы. Николай и Бенкендорф понимали: допустить дуэли нельзя. Анонимные письма гуляют по Петербургу. Недалеко до слуха: за Дантесом – сам государь. Впрочем, и без дуэли повод к такому пониманию был. Николаю и Бенкендорфу требовалось противопоставить пасквилю нечто такое, что доказывало бы влюблённость Дантеса в Наталию Пушкину.

Ответом на пасквиль стала воля царя (упомянутый брачный союз), которую Дантес должен был принять, поставив себя в зависимость от анонимного письма, а не от беременности Екатерины Гончаровой. Женитьба Дантеса должна была снять всякие подозрения с Николая. Маневр оказался удачен. Общество поддалось на обман. Пасквиль сыграл свою роль, но, как иногда бывает, обратную той, для которой он был предназначен. Фрагмент воспоминаний великой княгини Ольги Николаевны, дочери Николая I: «Папа, который проявлял к нему (Пушкину) интерес как к славе России и желая добра его жене, столь же доброй, как и красивой, приложил все усилия к тому, чтобы его успокоить. Бенкендорфу было поручено предпринять поиски автора писем. Друзья нашли только одно средство, чтобы обезоружить подозрение. Дантес должен был жениться... на сестре госпожи Пушкиной, довольно малоинтересной особе». Настоящей, полной правды великая княгиня по понятной причине знать не могла, не знала и о беременности Екатерины, при этом важность её свидетельства велика. Вынужденный подчиниться царской воле, Дантес сообщает Геккерену уже о своем решении жениться на Екатерине Гончаровой. Удивленный, в свою очередь, Геккерен (о царской пилюле ему неизвестно) старается хотя бы предотвратить излишние толки.

Им было распространено известие, что его приемный сын влюблен вовсе не в Наталию Николаевну, а в её сестру Екатерину Гончарову, и если Дантес оказывал особое внимание Наталии Николаевне, то это было потому, что он искал встречи с её сестрой. Теперь же Дантес просил разрешения на брак с Екатериной, и от него, названного отца, просимое согласие получил. Такой вот зигзаг. После того как согласие на брак было дано отцом невесты и её теткой Е. И. Загряжской, Пушкин решает взять вызов назад. Брак был совершен церковью 10 января по православному и католическому обряду, причем графиню Нессельроде пригласили быть посаженной матерью со стороны жениха. Посаженым отцом со стороны невесты стал граф Строганов. Произошло то, чего так не хотели Дантес и Геккерен и что явилось закулисной волей императора. Об этой воле из присутствовавших на свадьбе знал один Дантес, госпожа Нессельроде о ней могла только предполагать. Пушкин, не веривший до последнего дня, что свадьба состоится, исключил посещение того и другого дома семьями.

Дантес должен был хорошо понимать, что его новое положение с женой, ожидавшей ребенка, мало чем будет отличаться от прежнего. Женившись он исправил собственную ошибку, и его участь, участь наемника, да еще пошедшего на не очень-то благовидное дело, целиком будет зависеть от Николая, как зависит всё и все в России. Любое недовольство Бенкендорфа может обернуться чем угодно, вплоть до ареста, позорного разжалования – найти предлог не составило бы труда. В части светских салонов Петербурга, где предполагали в Дантесе романтическую страсть, свойственную молодости, приняли его женитьбу на сестре Наталии Николаевны за желание не компрометировать любимую женщину. Для этой части общества естественным было ожидать, что преследования Наталии Николаевны со стороны Дантеса прекратятся, но Николай и Бенкендорф вовсе не намеревались отказываться от своей цели, и преследования были продолжены с той лишь разницей, что Дантес стал еще развязней.

День его свадьбы и день поединка с ним Пушкина 27 января разделяют 16 дней, каждый из которых усиливает напряжение. На балу у Воронцовых Дантес в разговоре с Наталией Николаевной выходит из рамок приличия: «je sais maintenant que votre cor est plus beau, que celui de ma femme!» (созвучие слов «cor» – мозоль, «corps» – тело. Дословно: я теперь знаю, что у вас мозоль красивее, чем у моей жены). На другом балу

громко, во всеулышание, обращается к жене: «Пойдем, моя з а к о н н а я!» Прозрачный намек на Наталию Николаевну присутствовавшим был более чем ясен. По выражению Павла Вяземского, Дантес «афишировал» страсть. Нет сомнения, он идет на противостояние с Пушкиным, публично дает понять, что возможность повторного вызова его не заботит. После женитьбы Дантес вынужден сидеть на двух стульях. С одной стороны, быть супругом и будущим отцом семейства. С другой – третировать Пушкина флиртом с Наталией Николаевной. У новой родни это не может не требовать разъяснений. Положение Дантеса – не тайна для Николая и Бенкендорфа. Им несложно понять, что влияние на Дантеса светских друзей ван Геккерена и родственников жены должно отразиться не в пользу их замысла.

Бенкендорф торопит события. Показательна встреча Наталии Николаевны с Дантесом в доме Полетики. Начнем с того, что хозяйка дома питала давнюю неприязнь к Пушкину, к которой Дантес причастен не был; но с самой Идалией, как было упомянуто, состоял в интимной связи. Получив приглашение Полетики, Наталия Николаевна не заподозрила ничего необычного и только в ее доме поняла, какую допустила оплошность. В гостиной вместо хозяйки ее ожидал... Дантес! Наталия Николаевна рассказала позже княгине Вяземской, что, когда она оказалась с Дантесом наедине, тот достал пистолет и грозил застрелиться, если она не отдастся ему. Наталия Николаевна не знала, куда деться, она заламывала руки и стала говорить как можно громче. Случайно маленькая дочь хозяйки дома вошла в комнату. Наталия Николаевна бросилась к ней и затем медленно уехала.

Отношения Дантеса и Наталии Николаевны никогда не переходили той черты, после которой Дантес мог бы надеяться на успех подобного действия. Не Наталия Николаевна – Полетика любил Дантеса, и если она оставляет Дантеса с Наталией Николаевной наедине, то это означает: Наталия Николаевна как женщина для неё не опасна. Дантес мистифицирует Наталию Николаевну, и Полетике об этом известно. Ясно, ни о каком высоком чувстве Дантеса к Наталии Николаевне речи быть не может. Речь может идти об игре, в которую Наталия Николаевна была вовлечена. Ее встреча с Дантесом у Полетики Бенкендорфу не только известна, но им придумана и продумана. (Нужна ли эта встреча Идалие? Почему рядом с ее домом во время визита Наталии Николаевны дежурит Петр Ланской?)

Бенкендорф рассчитал, что по эффекту воздействия на Пушкина это «свидание» Наталии Николаевны с Дантесом сравнимо с получением поэтом пасквильного диплома и слухи, разошедшиеся по Петербургу, на этот раз заставят Пушкина обратиться к Николаю или послать новый вызов Дантесу.

По мнению некоторых пушкинovedов, эпизод в доме Полетики и стал той последней каплей, той причиной, вследствие которой Пушкин послал свое оскорбительное письмо Геккерену, письмо, сделавшее дуэль неизбежной. Слабая сторона версии – не определен день попытки скомпрометировать Наталию Николаевну. С другой стороны, тот факт, что слухи, в которых был заинтересован Бенкендорф, не успели разойтись по Петербургу, говорит в ее пользу. Версия подкреплена воспоминаниями А Араповой, в разное время ее поддержали П.Щеголев и С.Фомичев, вместе с тем возможен и другой поворот событий. Для Наталии Николаевны рассказать обо всем немедленно мужу означало вызвать у него новый приступ ярости, вновь поставить его на грань дуэли. По этой причине она ограничивается сообщением о случившемся кн. Вяземской.

Вместе с тем попытку поправить положение и пресечь разного рода слухи предпринимает граф Строганов. Ему неизвестно, что стоит за возбуждающей свет любовью Дантеса к Наталии Николаевне. Он готов списать эту любовь на издержки молодости. С целью примирения Пушкина и Дантеса граф устраивает обед. Попытка остается без результата. Накануне Пушкин получил от Дантеса письмо и хочет вернуть его не читая.

В доме Загрязской Пушкин наталкивается на Геккерена и просит его возвратить письмо. Геккерен-старший письма не принял, и возмущенный Пушкин швырнул письмо ему в лицо со словами: «Ты его возьмешь, негодяй!» Пути примирения отсекаются Пушкиным. Содержание письма мы не знаем. Единственным логичным объяснением этого шага Дантеса было его новое положение женатого человека и отца будущего ребёнка.

Царская опека в обмен на третирование Пушкина вступала в противоречие с интересами его семьи. Действительно, Дантес по иронии судьбы становится близким родственником поэта: они женаты на родных сёстрах, и уже семья, занимавшая видное место в светской жизни Петербурга с олицетворявшим её гр. Строгановым, отодвигала зависимость от Николая на второй план. Созданное положение могло стать для Дантеса

поводом для самовольного выхода из игры при сохранении тайны о неудавшемся сговоре. Могло стать... но не стало. Честь семьи оказалась ниже угодничества императору. Тем не менее целью письма было желание избежать конфликта внутри семьи. Дантес мог не прямо обличить Николая, но дать понять, что сам был в зависимости от неких обстоятельств, обещая объясниться при встрече. Ни в какие объяснения Пушкин вступать бы не стал. Дантес и ван Геккерен перешли черту, за которой примирение для Пушкина перестает быть возможным. Единственное, о чём можно жалеть, это то, что письмо не натолкнуло Пушкина на раскрытие роли Николая в конфликте. Возникает вопрос, почему сам Пушкин вне зависимости от письма не заподозрил Николая, ухаживания которого за Наталией Николаевной были широко известны?

Не заподозрил Николая не только Пушкин, но и друзья его, как то: Соболевский, Вяземские, Нащокин, никто в обществе, чей голос мог бы пролить свет на происходящее. Дело в том, что нравственная чистота царской семьи в обществе не подлежала сомнению, она воспринималась как данность. Император мог пойти на интимную связь с понравившейся ему женщиной, но только по обоюдному желанию и никак иначе. На фоне всеобщей влюблённости в Наталию Николаевну Дантес не был вхож во дворец, в глазах света он разыгрывал свою карту охватившей его страсти, противиться которой как бы было свыше его сил. Но в наступившей развязке именно Геккерену суждено было сыграть свою особую роль – по цинизму, по трагическим последствиям приближающегося поединка. Его обращение к Наталии Николаевне с целью склонить ее на любовную связь с Дантесом скорей всего стало причиной решения Пушкина взяться за оружие. Трудно предположить, каких последствий ожидал ван Геккерен, нашептывая Наталии Николаевне в углу чьей-то гостиной о «неразделенной любви» своего сына. Для не обремененного моралью голландца все средства были хороши, лишь бы угодить молодому барону.

Князь Павел П. Вяземский: «Единственное объяснение раздражения у Пушкина следует видеть не в волокитстве молодого Геккерена, а в уговаривании стариком бросить мужа. Этот шаг старика и был тем убийственным оскорблением для самолюбия Пушкина, которое должно было быть смыто кровью». Вяземский выделяет усердие Геккерена-отца. Фактически оно дополняло усердие сына. Письмо Пушкина в адрес ван Геккерена

от 26 января отвергало всякое примирение. Оно было показано ван Геккереном графу Строганову, слывшему знатоком аристократической чести. Мнение графа: «Должно драться». Дуэль была решена.

* * *

Не осуществился план царя, по которому в критический для себя момент Пушкин обратился бы за помощью во дворец. Царь даже на-талкивал Пушкина на определенный шаг, истребовав с него обещание уведомить Бенкендорфа, если ссора возобновится. Не это ли обещание имеет в виду Николай в своей записке умирающему поэту, давая ему «последний» совет умереть христианином? Не имея корысти, царь мог бы принять надлежащие меры без всякой просьбы. Пушкин предпочел защитить свою честь, не прибегая к вмешательству императора.

Прямых улик в том, что Дантес занимался травлей Пушкина, будучи исполнителем царской воли, нет. Но без этой воли травля теряет смысл. Её нельзя объяснить любовью – так не добиваются взаимности в любви. Нельзя ничем другим объяснить, почему Николай – царь, знаток этикета – приказывает возвратить записку с «прощением», посланную умирающему поэту. Приказание возвратить записку – факт, почему-то не замечаемый исследователями – выдает Николая. За недостатком времени царь способен просчитать только один ход: записка вернется к нему, улики не будет – но то, что не один свидетель прочтет её в тот момент, не казалось ему значимым, и он ошибся. Выше приведена выписка из воспоминаний вел. княгини Ольги Николаевны, где волей Николая была решена женитьба Дантеса на Екатерине Гончаровой. Сравним с её свидетельством фрагмент письма Николая I вел. князю Михаилу Павловичу от 3 февраля 1837 г.: «Порицание поведения Геккерена справедливо и заслуженно: он точно вел себя, как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривал жену его отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, и всё это тогда открылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пушкиным Дантес вдруг посватался на сестре Пушкиной; тогда жена открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна».

Повествуя о Дантесе: женился «вдруг», Николай даже брату не открывает правды, тогда как сам обязал Дантеса жениться, причём внешне

поступил справедливо. Зачем делать из этого тайну для брата? Никакая сопричастность к женитьбе Дантеса не нужна императору – она могла стать нитью к раскрытию происходящего вокруг Наталии Пушкиной.

После похорон мужа Наталия Николаевна уехала на два года в Полотняный завод – имение старшего брата в Калужской губернии.

«Записка о милостях семье Пушкина. 1. Заплатить долги (120 тыс). 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсия и дочери по замужеству. 4. Сыновей в пажи, и по 1500 р. на воспитание каждого по вступление на службу. 5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единовременно 10 тыс. Император Николай». Царь не скареден. Историограф Пушкин мог бы покрыть царские милости своим жалованьем за 40 лет непрерывной работы. По возвращении Наталии Николаевны в Петербург со стороны императора её ждет любезный прием, приглашение бывать в Аничковом, и уже ничто не мешает царю завязать с красавицей вдовой интимные отношения. Последствия этих отношений (по В. Вересаеву) Николаю пришлось покрыть браком Наталии Николаевны с поклядыстым Ланским (1844). Новобрачная получила в подарок от императора бриллиантовый фермуар. Царь приехал на крестины первенца (будущей по мужу А. П. Араповой). Тогда же Николай пожаловал Бенкендорфу полмиллиона рублей для лечения и отдыха за границей. Миниатюрный портрет Наталии Николаевны был вделан во внутреннюю крышку принадлежащих императору золотых часов.

Характерно, что не чувствует подавленности, тем более вины, и Дантес, высланный по распоряжению императора за пределы России. Фрагмент письма А. Н. Карамзина от 16. 7. 1837 г. из Баден-Бадена: «В понедельник был бал у Полуктовой... Странно мне было смотреть на Дантеса, как он с кавалергардскими ухватками предводительствовал мазуркой и котильоном, как в дни былые».

Из России Дантес привез достаточно денег. Ему не нужен офицерский патент, отобранный Николаем: отпала надобность быть наемником; более того, Дантес должен был быть внутренне благодарным Николаю за высылку из России. Общество бы отторгло его. Единственным пострадавшим из недругов Пушкина оказался ван Геккерен. Отставка неприятно удивила голландского дипломата, не подозревавшего о трюйственном сговоре. Для него единственной

причиной женитьбы Дантеса была беременность Екатерины Гончаровой. Он верил в любовь приемного сына к Наталии Пушкиной. После высылки Дантеса ван Геккерен писал приемному сыну: «Боже мой, Жорж, что за дело ты оставил мне в наследство! А всё недостаток доверия с твоей стороны. Не скрою от тебя, меня огорчило это до глубины души; не думал я, что заслужил от тебя такое отношение». Отказав ван Геккерену в обычной при отбытии на родину иностранных дипломатов аудиенции, Николай только изобразил негодование за пособничество Дантесу. Дело было сделано, оставалось замести следы.

В дальнейшем ван Геккерен – посланник в Вене. Дантес в течение своей долгой жизни преуспел на политическом поприще, значительно умножив свое состояние. Прошлое, связанное с Россией, не тяготило его. Свидетельствует А. Никитенко (Шинцнах, 20. 06. 1876): «Проходя под колоннадой пакгауза, я часто встречаю человека, наружность которого меня постоянно поражает своей крайней непривлекательностью. Во всей фигуре его что-то наглое и высокомерное. На днях, когда мы гуляли с нашей милой знакомой М. и этот человек нам снова встретился, она сказала: «Знаете, кто это? Мне вчера его представили, и он сам мне следующим образом отрекомендовался: «барон Геккерен (Дантес), который убил вашего поэта Пушкина». И если бы вы видели, с каким самодовольством он это сказал, – прибавила М., – не могу вам передать».

Что касается пуговицы на мундире Дантеса, в которую якобы попала пуля из пистолета Пушкина, вследствие чего Дантес почти не пострадал. Вот показания штаб-лекаря Стефановича в рапорте от 5 февраля 1837 г: «Поручик барон Геккерен имеет пулевую проникающую рану на правой руке ниже локтевого сустава на четыре поперечных перста; вход и выход пули в небольшом от друг друга расстоянии. Раны простые, чистые, без повреждения костей и больших кровеносных сосудов. Больной может ходить по комнате. Кроме боли в раненом месте жалуется также на боль в правой верхней части брюха, где вылетевшая пуля причинила контузию, каковая боль обнаруживается при глубоком вдыхании, хотя наружных знаков контузии не заметно». Не нужно быть специалистом по баллистике, чтобы понять: незадевшая кость руки пуля должна отклониться от своего пути любую пуговицу. У барьерной черты Дантес стоял к Пушкину боком, прикрыв пистолетом голову. От удара пули Дантес упал. Это заставляет думать, что пуля, задев ру-

ку, попала в специальную кольчугу или иную жесткую защиту, причём сила удара была такова, что Дантес потерял равновесие. Кольчуга спасла ему жизнь. Подобие пуленепробиваемых жилетов, скрывааемых одеждой, уже применялось в Европе. К месту дуэли ван Геккерен подъехал в экипаже отдельно от Дантеса с д'Аршиаком. Возможно, при более серьезном ранении Дантеса в незащищенную часть тела ван Геккерен и д'Аршиак намеревались доставить раненого домой, чтобы там прежде всего освободить его от кольчуги. Миф о пуговице возник тотчас после поединка.

Из письма Жуковского к С. Л. Пушкину: «Геккерен упал, но его сбила с ног только сильная контузия; пуля пробила мясистые части правой руки, коею он закрывал себе грудь, и, будучи тем ослаблена, попала в пуговицу, которою панталонны держались на подтяжке против ложки; эта пуговица спасла Геккерена». Сам Жуковский пуговицу видеть не мог. Слух распустили те, кому это было выгодно. Напрашивается предположение, что через легковерного Жуковского было проще заставить поверить в счастливую для Дантеса пуговицу весь Петербург. Пушкин был поражен первым, ранен смертельно; и может казаться, что не столь важно, удачен ли ответный выстрел, пострадал ли Дантес. Кольчуга, если она была, давала Дантесу весомое психологическое преимущество, от которого напрямую зависел исход поединка. Характерная деталь: пока секунданты протаптывали дорожку, для того чтобы противники могли сходиться, Пушкин, ожидая, присел на снег; Дантес же помогал секундантам. Он готовился стрелять на ходу, оставляя за собой преимущество первого выстрела. На случай промаха – стрельба на ходу уменьшает точность прицеливания – риск Дантеса благодаря кольчуге был бы сведен к минимуму. Дуэль, возможно позже, могла быть продолжена, а шансы Пушкина на победу были бы по-прежнему ничтожно малы. Нелишне упомянуть, что виконт д'Аршиак, находивший поведение Пушкина на дуэли «превосходным», за участие в дуэли секундантом был вынужден покинуть Россию и вскоре погиб на охоте по причине какой-то странной случайности. Несмотря на ряд красноречивых обстоятельств, наличие кольчуги, по всей видимости, не будет подтверждено. Вопрос: воспользовался ли кольчугой ставленник Николая Дантес – не имеет официального ответа.

* * *

Расставлены ли все точки над *i*, иными словами, виновен ли Николай I в смерти Пушкина? Созданная им атмосфера травли поэта преследовала цель привести его на поклон во дворец, как и подобало бы камер-юнкеру. К моменту подстроенной встречи Наталии Николаевны и Дантеса у Полетики Николай и Бенкендорф, несомненно, должны были утратить надежду на визит Пушкина с просьбой урезонить Дантеса. После всех стараний склонить его к этому характер Пушкина был ими достаточно понят. Отсюда недвусмысленный вывод – встреча у Полетики провоцировала дуэль. Убийц – двое, и первый из них – Николай, нанявший Дантеса и подготовивший трагическую развязку. После смерти поэта Николай подлостью и обманом получил то, чего никогда не получил бы при его жизни. Наталия Николаевна стала наложницей императора. Началась вторая часть ее жизни, началась в неведении о лжи, о той интриге и трагедии, заложницей которой она была.

* * *

В 1841 г., когда Наталия Николаевна вновь стала выезжать в свет и танцевать в Аничковом, на юге России был убит поручик Лермонтов... Лермонтов был первым, кто назвал вещи своими именами. Мы привыкли не персонифицировать известные строфы:

*А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятаю рабскою поправшие обломки...*

Для Николая эти слова означали: ты убил! Он должен был почувствовать себя обличенным. Назвав «известной подлостью» убийство Павла I, Лермонтов вольно или невольно связал эти два преступления и заклеил Николая его подлостью – убийством национального поэта. «Собаке – собачья смерть!» – первая царская реакция на сообщение о гибели Лермонтова. Ограничился ли император высылкой поэта в действующую армию на Кавказ или через Бенкендорфа готовил ему более суровую кару? Этот вопрос ставили перед собой уже первые серьезные исследователи творчества Лермонтова. Мнение по этому поводу П.Висковатова, одного из биографов Лермонтова, еще заставшего в живых людей, знавших поэта, очевидцев событий: «Мы находим много общего между интригами, доведшими до гроба

Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велись потаенными средствами, но их главная пружина кроется в условиях жизни и деталях характера графа Бенкендорфа».

Казалось бы, Лермонтов получил вызов от Мартынова по причине, не имеющей ничего общего с гибелью Пушкина, но настоящая причина гибели Лермонтова, как понял Висковатов, именно в обличении Николая. Проследим, каким образом или по какому руслу эта настоящая причина привела к кровавой развязке у подножия Машука.

По приезду Лермонтова и Столыпина-Монго, друга и двоюродного дяди поэта, для отдыха в Пятигорск ничто не предвещает трагедии, между тем последние два месяца жизни оставляет поэту судьба. С появлением в Пятигорске Лермонтова политизация атмосферы сгущается. Здесь все про всех известно. Кто за что и сколько тянет фронтную ляжку. Кому нужны звания и награды, кто отбывает за старое. Для Пятигорска Лермонтов – это новая фронда. Его словесная пощечина придворной элите за смерть Пушкина у многих вызвала уважение. Поляризация общества, вызванная гибелью Пушкина, когда сановная элита, двор, высшие военные и часть офицерского корпуса встали на сторону Дантеса, обособила и Лермонтова. «Полагали, что обуздание тем или иным способом «неудобного» юноши-писателя будет принято не без тайного удовольствия некоторыми влиятельными сферами в Петербурге» (П.Висковатов).

В Пятигорске неизвестные люди подстрекали прапорщика Лисаневича к дуэли с Лермонтовым за несовместимые, по их мнению, с честью офицера слова поэта, связанные с ухаживанием прапорщика за Надеждой Верзилиной. Лисаневич большой обиды в шутках Лермонтова не ощутил и, естественно, ответил отказом: «Что вы, чтобы у меня поднялась рука на такого человека!»

О том, что Пятигорск не самое безопасное для него место, предостерегал Лермонтова Ильяшенков, комендант Пятигорска, старый служака, из чувства справедливости симпатизировавший поэту. «Они убьют вас», – напрямую предупредил он Лермонтова, предвосхищая и рассекречивая планы «своих».

Однако Лермонтов не был склонен ждать для себя опасностей в Пятигорске. В его памяти еще свежа последняя экспедиция, особенно жестокая и кровавая, Пятигорск же обещал долгожданный отдых.

Любопытные сведения оставил П.Магденко, попутчик поэта и Столыпина-Монго по дороге в Пятигорск, с которыми он первоначально остановился в гостинице: «Промокшие до костей, приехали мы в Пятигорск и вместе остановились на бульваре в гостинице, которую содержал армянин Найтаки. Минут через двадцать в мой номер явились Столыпин и Лермонтов, уже переодетыми, в белом как снег белье и халатах. Потирая руки от удовольствия, Лермонтов сказал Столыпину: «Ведь и Мартышка, Мартышка здесь. Я сказал Найтаки, чтобы послали за ним».

Такие слова Лермонтова свидетельствуют не в пользу версии охлаждения между Лермонтовым и Мартыновым из-за сестры последнего. К рассказу Магденко мы ещё вернёмся. Из гостиницы Лермонтов и Столыпин-Монго переселяются в дом Чилиева, где уже квартируют Мартынов и Глебов – товарищи ещё по военной школе, кн. С.Трубецкой и кн. Васильчиков – молодой представитель чиновной элиты.

Лермонтов постепенно входит в светскую жизнь, насколько понятие «свет» применимо к местному обществу. Литературная известность Лермонтова растёт, он везде принят, но положение его двойственно. С одной стороны, это череда всевозможных увеселений – балы, пикники и прочее, где кн. Васильчиков и Лермонтов могли соседствовать за одним столом и любезничать с дамами, с другой – незаметно для себя Лермонтов получает статус «неприкасаемого», по отношению к нему тот же кн. Васильчиков мог судить о лояльности к власти того или иного лица. Лестное для Мартынова и Глебова знакомство с Васильчиковым, обещавшее возможности карьерного роста, было гораздо привлекательней, чем старая дружба с попавшим в опалу Лермонтовым. Его протестное положение не вызвало в них участия, заставляло сторониться его.

*Мои друзья вчерашние – враги.
Враги – мои друзья,
Но, да простит мне грех Господь благий,
Их презираю я.*

Нетрудно понять, о ком идет речь. Холодность нескольких прежних товарищей, встретившихся Лермонтову в Пятигорске, не сильно задела его. Он платил им той же монетой. Откликнулся несколькими шутками на вычурный черкесский наряд вышедшего в отставку Мартынова. Недовольство, граничащее с раздражением, вызвал у Мартынова альбом со смешными рисунками и

эпиграммами, которыми Лермонтов наделял всех светских знакомых и где Мартынову отводилось не последнее место. Мартынов об альбоме был наслышан, но к самому альбому Лермонтовым не допускался. 13 июля Мартынов появился на вечеринке у Верзилиных, как обычно, в черкесском наряде с длинным кинжалом, что также не в первый раз вызвало веселый комментарий Лермонтова, сидевшего у стены в зале со Львом Пушкиным и Эмилией Александровной, дочерью генеральши Верзилиной. Находясь в середине зала, Мартынов Лермонтова слышать не мог, но слово «кинжал» прозвучало так отчетливо, что услышали все. Взбешенный Мартынов направился к Лермонтову. «Я просил вас оставить ваши шутки хотя бы при дамах!» – и, не дожидаясь ответа, возвратился в зал. Обращение Мартынова к Лермонтову на «вы», чего между ними никогда не было, и тон этого обращения встревожили Эмилию Александровну. «Это ничего, завтра мы опять будем добрыми друзьями», – успокоил ее Лермонтов. Тем же вечером, вопреки сказанному, вызов Мартыновым был сделан.

Сложившееся положение не представляется Лермонтову крайне опасным. Принятый им вызов еще не означал, что Мартынов будет стрелять в тушь даже заступившего за черту дозволенного товарища. В полевой, более вольной жизни войск Кавказской линии ссоры не были редкостью в офицерской среде. Но «горячие головы» в подавляющем большинстве случаев успевали понять, что обидное слово, сорвавшееся в хмельном угаре, или какой-то иной вздор не стоят жизни товарища. Тут же, часто на месте поединка, заключалась мировая, и все дело, грозившее непоправимой бедой, заканчивалось веселым застолием. Кроме того, Мартынов был одним из товарищей Лермонтова по школе кавалерийских юнкеров. Столыпин-Монго, Лермонтов, Глебов – все прошли школу и были выпущены в разные полки. Часто добрые отношения между школьными товарищами сохранялись и после выпуска. С Мартыновым Лермонтов виделся несколько раз в Москве, заезжал в имение Глебова. Чтобы поднять руку с оружием на товарища по школе, нужны были очень и очень веские причины. Закончить дело миром могли уже секунданты, и это было бы возможным, если бы одним из них не стал кн. Васильчиков, поведший двойную игру.

На словах перед секундантами Лермонтова Столыпина-Монго и кн. Трубецким он – миротворец, на деле – начинает разжигать мелочное самолюбие Мартынова. Первое, что нас-

тораживает в Васильчикове, – как молодой правовед, которому обеспечена блестящая карьера (он – сын председателя Государственного совета и Комитета министров), вдруг пренебрегает ею участием в дуэли секундантом безвестного отставного майора против Лермонтова, по ожиданию многих – надежды России.

Друзья поэта (Столыпин-Монго, Дорохов) посоветовали ему временно уехать в Железноводск. Причина отъезда не совсем ясна: хотели ли они избежать случайной встречи противников, чтобы дать им время успокоиться и одуматься, или было что-то еще, мы не знаем. Положительного эффекта отъезд не принес. Секунданты Лермонтова предпринимали попытки связаться с Мартыновым и его окружением – на их представления ответа не было, Мартынов отмалчивался. Наивным было бы полагать, что Столыпин-Монго и С.Трубецкой не чувствовали связи Мартынова с Васильчиковым, тайного умысла с их стороны, но конкретных данных не было. Для Лермонтова ангажированность Мартынова также не была тайной, но не повлияла на поединок: поэт не выстрелил в Мартынова, оставив себя без защиты перед наведённым на него оружием.

*Винтовка пулю верную послала,
Свинцовая запела и пошла.
На грудь несчастливца она упала
И глубоко в неё вошла.
И забаякала её, и заласкала,
Без просыпа, без мук страдальцу сон свела,
И возвратила то, что женщина отъяла,
Что свадьба глупая взяла...*

В день дуэли, 15 июля, Васильчиков вместе с Мартыновым направились в коляске на встречу с Лермонтовым в колонию Каррас. Там Мартынов осведомляется у Лермонтова в резкой форме, готов ли поэт дать удовлетворение, о котором он, Мартынов, напоминает и которое в скором времени намеревается получить. «Готов ехать сейчас», – ответ Лермонтова. Это весь разговор. Для такого заранее решенного результата встречи с поэтом Васильчикову и Мартынову можно было не ездить за 14 верст в Каррас – путь неблизкий. Достаточно было ждать Лермонтова на месте дуэли вблизи Пятигорска. Причина в том, что сама поездка воспринималась примиренческой. Встреча противников выглядит шансом погасить конфликт. Вполне вероятно, что секунданты обоих противников заранее договорились свести Лермонтова и Мартынова перед поединком. Это

предложение Столыпина-Монго и Трубецкого Васильчиков был бы вынужден поддержать. Видимость такого шанса была, пока Мартынов своим обращением к Лермонтову не показал, что примирения не будет, послушно выполнив указание своего наставника.

Приехав вместе с Мартыновым в Каррас и будучи в шаге от своей ужасной цели, Васильчиков прилагает последние старания, воздействуя на тщеславие Мартынова и уверяя его в безнаказанности. В своих воспоминаниях Васильчиков опускает поездку с Мартыновым в Каррас и к месту дуэли – самое существенное, о чем он мог бы поведать, если бы был вынужден писать правду. При всех усилиях Васильчикова, при всей подчиненности Мартынова дуэль показала, что колебания не оставляли последнего. Подойдя к барьеру и подняв оружие, с выстрелом он медлил. Пауза вызвала команду Столыпина: «Стреляйте, или я разведу вас!» Лермонтов стоял, не сделав ни шага к барьеру, прикрыв пистолетом голову. Его реакция на слова Столыпина: «Я не буду стрелять в этого дурака». Мартынов выстрелил. С этим выстрелом, отозвавшимся болью по всей России, миссия Васильчикова была закончена.

Если два противника сходятся в поединке и один отказывается стрелять, а второй применяет оружие со смертельным исходом, это походит на убийство и может быть воспринято как убийство, хотя формально все было правильно, законы дуэльного кодекса соблюдены.

Ночь после дуэли сдавшийся властям Мартынов проводит под стражей на гауптвахте; здесь меняется логика его поведения. Убийца Лермонтова просит дать ему разрешение проститься с телом пораженного им товарища до его погребения. Прощение направлено полковнику Траскину, начальнику штаба войск Кавказской линии. Мартынов, несомненно, чувствует неуместность, даже кощунственность своего обращения, и знает, что, вероятней всего, получит отказ; но какая-то доля надежды у него есть. Накануне, несколько часов назад, после того как Лермонтов упал от его выстрела и испустил дух, никто не попытался помешать ему подойти к погибшему для прощания, кроме Столыпина («Уходите. Вы сделали свое дело»). Возникшее стремление продлить прощание или проститься как-то иначе объясняется просто. Оказавшись наедине с самим собой перед необратимостью содеянного, перед правдой, Мартынов «потерялся». Васильчиков больше не довлел над ним, наступил психологический

синдром, принесший состояние вины и раскаяния. Этот эпизод не улика (об уликах впереди), но, несомненно, подсказывает, что без постороннего влияния Мартынов, скорее всего, не стал бы стрелять в Лермонтова.

Доказательную основу вины кн. Васильчикова в гибели Лермонтова дает не кто иной, как сам Мартынов. Причиной послужило недовольство Васильчиковым, который с течением времени, желая напомнить о себе и оставить кое-что потомкам, примеряет новый наряд. В своих воспоминаниях он именуется секундантом Лермонтова (не Мартынова, кем он был), чему искренне удивились, если бы были живы кн. С. Трубецкой и Столыпин-Монго. Этого оказалось мало, и Васильчиков нарекает себя другом (!) Лермонтова. Такая низость оказалась чрезмерной даже для Мартынова. Незадолго до смерти (1875) он решает обнародовать и передает в «Русский архив» письмо самого же Васильчикова, полученное им (Мартыновым) незадолго до заседания следственной комиссии после дуэли с Лермонтовым. Письмо раскрывает истинную роль Васильчикова в гибели Лермонтова. Фрагмент написанного рукою Глебова письма: «Я и Васильчиков не только по обязанности защищаем тебя везде и во всем, но потому, что не видим ничего дурного с твоей стороны в деле Лермонтова, и приписываем этот выстрел несчастному случаю (все это знают): судьба так хотела, тем более что ты третий раз в жизни своей стрелял из пистолета (два раза, когда пистолеты у тебя в руке рвало, и этот третий), а совсем не потому, что ты хотел пролить кровь, в доказательство чего приводим то, что ты сам не походил на себя, бросился к Лермонтову в ту секунду, как он упал, и простился с ним. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только в отношении к Трубецкому и Столыпину, которых имена не должны быть упомянуты ни в коем случае. Надеюсь, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всеми средствами уговаривали. Придя на барьер, напиши, что ждал выстрел Лермонтова». Фраза «Надеемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всеми средствами уговаривали» специально не закончена. Из контекста ясно ее окончание: не стрелять в Лермонтова. Это прямая ложь. Фраза не закончена, чтобы не зафиксировать ложь на бумаге. Если представить, что действительно «всеми средствами уговаривали», непонятно было бы, для чего Мартынов решил обнародовать письмо. Письмо представляет Васильчикова и Глебова теми, кем они и были – пособниками Мартынова в суде, как и во всем деле.

Уже находясь под следствием после дуэли, Васильчиков задумывается, как бы замести следы содеянного. 30 июля, через две недели после поединка, он отправляет письмо в Петербург приятелю Ю. Арсеньеву. Назвав себя секундантом Лермонтова, Васильчиков сообщает, что дуэль всерьез им не рассматривалась и представлялась формальностью, так как невозможно было предположить, что пустяковая ссора станет причиной кровопролития и что вплоть до рокового выстрела Мартынова он надеялся на мирный исход. Зная общительный характер приятеля, Васильчиков рассчитал, что тот не будет делать тайны из письма в части, касающейся дуэли. Такой вброс нужной информации помог бы ему избавиться от вопросов и обвинений в непростечении поединка при появлении в столице.

Легкость, с которой Васильчиков отходит от правды в письмах и воспоминаниях, – отличительная его черта. Примером служит письмо его и Глебова, цитировавшееся выше, где утверждается, что Мартынов третий раз в жизни стрелял из пистолета. Может ли третий раз брать в руки пистолет отставной, понюхавший пороху на Кавказе, майор? Причем стрелял он на французский манер: с вывертом рукоятки снизу в сторону. Никто, естественно, поверить бы в это не мог... кроме комиссии, перед которой у Васильчикова возникло чувство вседозволенности, если не ёрничества.

Трюк Васильчикова с письмом Ю. Арсеньеву, вполне удавшийся, сравним по эффекту с пуговицей на белье Дантеса, якобы спасшей его, а фактически скрывшей весьма вероятное использование кольчуги.

В поединках Пушкина и Лермонтова, что замечалось и ранее, много общего. Как у Пушкина, так и у Лермонтова противниками оказались кавалергарды. Секундант Пушкина Данзас и секундант Лермонтова Столыпин не предприняли сколько-нибудь значительных попыток к предотвращению поединков. Один из секундантов Мартынова – Глебов и секундант Дантеса виконт д'Аршиак погибли, первый на дуэли (по другим сведениям, во время перестрелки при ауле Салты), второй – от несчастного случая на охоте. Не стало прямых свидетелей. Однако, в противовес сходству поединков, есть одно существенное различие. Пушкин, не находя другого средства обуздать Дантеса, сам стремился к дуэли. Лермонтову, напротив, при его желании выйти в отставку дуэль могла значительно помешать. Благодаря такому различию возможности Столыпина погасить конфликт преобладали над возможностями Данзаса. Если вообра-

зять, что перед выстрелом Мартынова, когда тот поднял пистолет и медлил, Столыпин вместо команды: «Стреляйте, или я разведу вас!» крикнул бы: «Мартынов!» и добавил два-три слова на гусарском жаргоне – то поединок мог закончиться совершенно иначе. Для этого Столыпин-Монго обладал известностью и авторитетом в гвардии. Мы не знаем, почему не выстрелил Лермонтов. Скорее всего, это совокупность причин: нежелание дискредитировать себя выстрелом в Мартынова, неразделенная любовь к Варваре Лопухиной и наиболее вероятная – желание выйти в отставку и заняться литературной работой. Выстрел в Мартынова, его смерть или тяжелое ранение означали поселение, солдатчину, но никак не отставку. Лермонтов предпочел не стрелять.

* * *

*Послужной лист кн. Васильчикова***Александр Илларионович Васильчиков**

(1818 – 1881), сын кн. И.В.Васильчикова, председателя Государственного совета и председателя Комитета министров.

Окончил Петербургский университет. Юрист. В Пятигорске состоит при административной комиссии барона Гана.

По косвенным данным, имеет негласную ориентацию в отношении Лермонтова, т.е. используется как агент. Состоял ли Васильчиков формально на службе у Бенкендорфа – не имеет существенного значения, поскольку пусть и не агент Васильчиков, виртуально выражаясь, протянул руку помощи в Санкт-Петербург и попал прямо в объятия Александра Христофоровича.

Васильчиков (агент или не агент) выполнил работу агента профессионально, психологически выверенно, как, по всей вероятности, должен был оценить ее Бенкендорф.

После Пятигорска Васильчиков вышел в отставку и больше не служил.

* * *

Официальный Петербург не откликнулся на смерть Лермонтова. Николай I достиг своей цели избавиться от поэта, противопоставившего себя верхушке придворной знати. Распоряжения царя при жизни Лермонтова говорят сами за себя: «Отклик» Николая на появление стихотворения

«На смерть поэта»: «Произвести у Лермонтова в Царском Селе обыск, а старшему медику гв. корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он».

На представление Лермонтова к наградам (орден Св.Станислава III степени, золотая полусабля) Николай вычеркивал фамилию поэта из наградного списка.

Используя участие Тенгинского пехотного полка в экспедициях против горцев, царь предписал, чтобы Лермонтов состоял непременно «налицо во фронте» и чтоб «...начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку».

После смерти Лермонтова само упоминание в печати о дуэли было запрещено, и запрет соблюдался вплоть до смерти Николая в 1855 году. Цель запрета: отвести внимание журналистов и общества от обстоятельств дуэли, что косвенно подтверждает использование Васильчикова тайной полицией и связь его с Бенкендорфом. О последних днях Лермонтова не оставил ни строки воспоминаний А.Столыпин (Монго). Его роль в поединке – роль секунданта, следящего за точным выполнением принятых условий и правил, не более того, – устраивала Васильчикова; а команда: «Стреляйте, или я разведу вас!» подхлестнула Мартынова на выстрел.

К моменту приезда вместе с Лермонтовым в Пятигорск Столыпин – капитан драгунского Нижегородского полка, кавалер ордена Св. Станислава, в котором было отказано Лермонтову. Через год после дуэли с разрешения императора Столыпин надолго выехал за границу. Казалось бы, зачем, когда впереди ждут полковничьи эполеты? Но не всё так просто. Он не мог отгородиться от общества, от товарищей. Что он мог ответить на вопрос: почему не повлиял на ход поединка? Стоило ли тщеславие Мартынова жизни Лермонтова, его родственника и друга? Ответа не было, и, может быть, поэтому оставалось уехать. Сюда можно присовокупить странное бездействие Столыпина в период пребывания Лермонтова перед дуэлью в Железноводске. Если между секундантами была договорена попытка мирить противников перед поединком, почему Столыпин не поехал вместе с Васильчиковым и Мартыновым в Железноводск? Мешало присутствие Мартынова – допускаем, но находиться вместе с Лермонтовым он был обязан. Отсутствие уже пахнет предательством. Остаётся вспомнить события 40-го года. Очень содержателен фрагмент из воспоминаний М.Н.Лонгинова, знавшего Лермонтова ещё до юнкерской школы: «Особенно дружен был Лер-

монтов с двоюродным братом своим Алексеем; они были вместе в школе и в гусарах, а также два раза (как помнится) на Кавказе: в 1837 году, когда первый был переведён туда за стихи на смерть Пушкина, последний же ездил туда охотником из гвардии, а затем в 1840 – 1841 годах, когда первый был выслан вторично туда за дуэль с Барантом, а последний, впоследствии той же дуэли, по внушению покойного государя поступил из отставки (в которую недавно вышел) на службу капитаном в Нижегородский драгунский полк, стоявший на Кавказе».

Получается, Столыпин (Монго), находясь в отставке (вне армии), совершает противоправное действие – секундирует Лермонтова в дуэли с Барантом. Лермонтов в наказание за дуэль едет на войну с горцами с переводом из гвардии в пехотный Тенгинский полк, а Столыпин, уволившийся поручиком, за то же самое противоправное действие получает звание капитана (с повышением через ступень) кавалерийского драгунского полка! Они едут на Кавказ вместе, т.е. Столыпин может в той или иной степени влиять на Лермонтова, знать о ближайших его планах. Попутчик Лермонтова и Столыпина по дороге в Пятигорск Магденко так пересказывает их спор: «На другое утро Лермонтов, входя в комнату, в которой я со Столыпиным сидели уже за самоваром, обратясь к последнему, сказал: «Послушай, Столыпин, а ведь теперь в Пятигорске хорошо, там Верзилины, поедем в Пятигорск». Столыпин отвечал, что это невозможно. «Почему? – быстро спросил Лермонтов, – там комендант старый Ильяшенков, и являться к нему ничего, ничто нам не помешает. Решайся, Столыпин, едем в Пятигорск». С этими словами Лермонтов вышел из комнаты. На дворе лил проливной дождь. Столыпин сидел задумавшись. «Ну что, – спросил я его, – решается, капитан?» – «Помилуйте, как нам ехать в Пятигорск, ведь мне поручено везти его в отряд. Вон, – говорил он, указывая на стол, – наша подорожная, а там инструкция – посмотрите». Знал ли о таком «поручении» Лермонтов? Магденко для Столыпина незнакомый встречный офицер Борисоглебского уланского полка. Не встаёт ли за всем этим тень Бенкендорфа и не за это ли частично царь пожаловал Бенкендорфу полмиллиона рублей в 1844 году при выезде последнего для лечения за границу, оплачивая одновременно интриги против Пушкина и против Лермонтова, повлекшие смерть того и другого?

Согласно предложенной здесь версии, в убийстве Лермонтова участвовали трое: Мартынов,

поднявший руку на поэта, Столыпин, который мог эту руку отвести, но не сделал этого, и кн. Васильчиков, путём психологического воздействия толкнувший Мартынова на убийство.

Столыпин! Мог ли двоюродный дядя и друг так поступить с поэтом? Когда Мартынов уже поднял пистолет чтобы прицелиться и выстрелить, но не хватило воли, что-то мешало внутри и он медлил, не зная, как быть, интуитивно ожидая какого-то знака, окрика – последовал толчок, вместе команда – «Стреляйте, или я разведу вас!» Последовал машинальный выстрел...

Руфин Иванович Дорохов, бывший с Лермонтовым в близких отношениях и знавший о дуэли не менее секунданта, рассказал для публикации обо всем известном ему профессиональному литератору А. Дружинину. Это было в 1851 году. Дружинин подготовил рассказ Дорохова к печати, но при здравом размышлении вынужден был отказаться от своего намерения. «Как не хотелось бы нам, – поясняет Дружинин, – поделиться запасом сведений о службе Лермонтова на Кавказе, – историей его кончины, рассказанной нам... с большими подробностями, – мы хорошо знаем, что для таких подробностей и сведений не пришло время».

Такое время настало. С большой долей вероятности можно раскрыть тот «секрет», о котором Руфин Дорохов сообщил Дружинину. Двудлиное и недостойное поведение Столыпина (Монго) – то, что цензура при жизни Николая I пропустить не могла.

* * *

Непреложно установлено, что Лермонтов, как ранее Пушкин – пали жертвой дворцовой интриги с использованием тайной полиции. 16 строк разоблачительной правды Лермонтова, дополнивших стихотворение «На смерть поэта», стали причиной его убийства по тайному распоряжению Николая. Народ должен знать не только великих правителей, но и тех, кого власть развратила, кто осквернил себя и страну. История поставила все на свои места. Для Николая I она определила место одного из последних властных феодалов, видевшего не Россию, а себя в России, убившего два самых светлых поэтических дарования.

ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОК ПУШКИНА

Я.П.ПОЛОНСКИЙ.

Цит. из «Кое-что о Пушкине».

Cosmopolis, 1898.

Император Николай Первый желал, чтобы Пушкина, блистающая молодостью и красотой, появлялась на придворных вечерах и балах. Однажды, заметив её отсутствие, он спросил, какая тому причина? Ему сказали, что так как муж её не имеет права посещать эти вечера, то понятно, он не пускает и жену свою. И вот, чтобы сделать возможным присутствие Пушкиной вместе с мужем, государь решил дать ему звание камер-юнкера. Некоторые из противников Пушкина распускали слух и даже печатали, что Пушкин интригами и лестью добился этого звания. Но вот что рассказал мне брат его – Лев Сергеевич, которого чуть не каждую неделю посещал я в Одессе. «Брат мой, – говорил он, – впервые услышал о своем камер-юнкерстве на балу у гр. А.Ф.Орлова. Это взбесило его до такой степени, что друзья его должны были отвести его в кабинет графа и там всячески успокаивать». Не нахожу удобным повторить здесь всего того, что говорил, с пеной у рта, разгневанный поэт по поводу его назначения.

ПУШКИН. Из дневника, 7 янв. 1834.

Государь сказал княгине Вяземской: «Я надеюсь, что Пушкин принял в хорошую сторону свое назначение – до сих пор он держал мне свое слово, и я был им доволен» и т.д. и т.д. Великий князь намеренно поздравил меня в театре: «покорнейше благодарю, Ваше Высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили».

Н.О.ПУШКИНА. Из письма к дочери

О.С.Павлищевой от 26 янв. 1834 г.

Александр, к большому удовольствию жены, сделан камер-юнкером. Представление её ко двору в среду, 17-го числа, увенчалось большим успехом. Участвует на всех балах, только об ней и говорят; на балу у Бобринского император танцевал с нею кадрили и за ужином сидел возле неё. Говорят, что на балу в Аничковом дворце она была положительно очаровательна.

Генерал Р.Е.ГРИНВАЛЬД о Дантесе.

Это был столь же ловкий (*gewandter*), как и умный человек, но обладал особенно злым языком, от которого и мне доставалось; его остроты вызывали у молодых офицеров смех.

С.А.ПАНЧУЛИДЗЕВ Из «Сборника

биографий кавалергардов». СПб. 1908.

Дантес по поступлении в полк оказался не только весьма слабым по фронту, но и весьма недисциплинированным офицером; таким он оставался в течение всей своей службы в полку: то он «садился в экипаж» после развода, тогда как «вообще из начальников никто не уезжал»; то он на параде, «как только скомандовано было полку вольно, позволял себе курить сигару...» На учении «слишком громко поправляет свой взвод», что, однако, не мешает ему самому «терять дистанцию» и до команды «вольно» сидеть «совершенно распустившись на седле»; эти упущения Дантес совершает не однажды. Мы не говорим уже об отлучках с дежурства, опаздывании на службу и т.п. Число всех взысканий, которым был подвергнут Дантес за годы службы в полку, достигает цифры 44.

Комментарий. Такое отношение к службе и командире полка Гринвальду было бы невозможно, тем более иностранцу, без негласной опеки двора.

Кн. А.В.ТРУБЕЦКОЙ о Дантесе.

Цит. по П. Щеголеву.

Дантес был статен, красив; на вид ему в то время было лет 20, много 22 года. Как иностранец, он был пообразованнее нас, пажей, и как француз – остроумен, жив, весел. И за ним водились шалости, но совершенно невинные и свойственные молодежи, кроме одной, о которой мы узнали гораздо позднее. Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккерном или Геккерн жил с ним... В то время в высшем обществе было развито бугрство. Судя по тому, что Дантес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в сношениях с Геккерном он играл только пассивную роль. Он был очень красив, и постоянный успех в дамском обществе избаловал его; он относился к дамам вообще, как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские, а как избалованный ими, требовательнее, если хотите, нахальнее, наглее, чем даже принято в нашем обществе.

П.И.БАРТЕНЕВ цит. по «Русск. архиву». 1906.

Дантес носил на руке перстень с именем Генриха Пятого и любил показывать его. Он был сначала так беден, что сидел большею частью дома. Императрица Александра Федоровна, шеф кавалергардов, назначила ему денег из своей шкатулки.

О.С.ПАВЛИЩЕВА из письма к С. Л. Пушкину от 24 дек. 1836.

Вы сообщаете мне новость о выходе Екатерины Гончаровой за барона Дантеса, теперь Геккерена.

По словам г-жи Пашковой, которая об этом пишет своему отцу, это удивляет город и предместья не потому, что один из самых красивых кавалергардов и самых модных мужчин, имеющий 70 тысяч рублей доходу, женится на m-lle Гончаровой, – она для этого достаточно красива и достаточно хорошо воспитана, – но потому, что его страсть к Натали ни для кого не была секретом. Я об этом прекрасно знала, когда была в Петербурге, и тоже подшучивала над этим; поверьте мне, тут что-то либо очень подозрительное, либо – недоразумение, и, может быть, будет очень хорошо, если свадьба не состоится.

Комментарий. 70 тыс. дохода. Дантес жил в столице на широкую ногу. Ван Геккерен таких средств предоставить ему не мог. Вместе с тем по приезду в Петербург у Дантеса не было денег обновить гардероб.

*Имп. АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА
из письма к баронессе Тизенгаузен, дек. 1836 г.*

Мне бы так хотелось иметь через вас подробности о невероятной женитьбе Дантеса. – Неужели причиной ее явилось анонимное письмо? Что это – великодушие или жертва? Мне кажется, – бесполезно, слишком поздно.

*Кн. В.Ф.ВЯЗЕМСКАЯ
по записи Бартенева. «Русск. Архив». 1888.*

Кн. Вяземская предупреждала Пушкину относительно последствий её обращения с Геккереном: «Я люблю вас как своих дочерей. Подумайте, чем это может кончиться!» – «Мне с ним весело. Он мне просто нравится. Будет то же, что было два года сряду».

Влюбленная в Геккерена, высокая, рослая старшая сестра Екатерина Николаевна нарочно устраивала свидания Наталии Николаевны с Геккереном, чтобы только повидать предмет своей тайной страсти.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. Собр. соч.

В зиму 1836 – 1837 года мне как-то раз случилось пройти несколько шагов по Невскому проспекту с Н. Н. Пушкиной, сестрой ее Е. Н. Гончаровой и молодым Геккереном (Дантесом); в эту самую минуту Пушкин промчался мимо нас как вихрь, не оглядываясь, и мгновенно исчез в толпе гуляющих. Выражение лица его было страшно. Для меня это был первый признак разразившейся драмы.

*Кн. В.Ф.ВЯЗЕМСКАЯ
по записи Бартенева. «Русск. Архив». 1888.*

Старик барон Геккерен был известен распутством. Он окружал себя молодыми людьми наглого разврата и охотниками до любовных сплетен и вся-

ческих интриг по этой части; в числе их находились кн. Петр Долгоруков и граф Л. С.

*А. М. ГОЛИЦЫН по неизданным запискам.
«Московский пушкинист». 1927.*

Государь Александр Николаевич у себя в зимнем дворце за столом в ограниченном кругу лиц громко сказал: – «Ну, вот теперь известен автор анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина; это Нессельроде». – Слышал от особы, сидевшей возле государя.

*Л.П.ПРОССМАН. Женитьба Дантеса.
«Кр. Нива», 1929.*

Семейные письма Геккеренов-Гончаровых явственно свидетельствуют, что через три месяца после своей свадьбы, – в апреле 1837 года, – Екатерина Николаевна Геккерен родила своего первого ребенка.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. Собр. соч.

Ненависть Пушкина к графине Нессельроде едва ли не превышала ненависть его к Булгарину. Пушкин не пропускал случая клеймить эпиграммическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умевшую говорить по-русски. Женщина эта паче всего не могла простить Пушкину его эпиграммы на отца ее, графа Гурьева, бывшего министром финансов в царствование императора Александра I.

Н.М.СМИРНОВ. «Русск. Архив». 1882.

Что происходило по получении вызова в вертепе у Геккерена и Дантеса, неизвестно; но в тот же день Пушкин, сидя за обедом, получает письмо, в котором Дантес просит руки старшей Гончаровой, сестры Наталии Николаевны. Удивление Пушкина было невыразимое; казалось, что все сомнения должны были упасть перед таким доказательством, что Дантес не думает о его жене. Но Пушкин не поверил сей неожиданной любви, а так как не было причины отказать в руке свояченице, тридцатилетней девушке, которой Дантес нравился, то и было изъявлено согласие. Помолвка Дантеса удивила всех и всех обманула. Друзья Пушкина, видя, что ревность его продолжается, напали на него, упрекая в безрассудстве; он же оставался неуспокоенным и не верил, что свадьба состоится.

*ПУШКИН из письма гр. Бенкендорфу,
21 ноября 1836 г.*

Случилось, что в продолжение двух недель г. Дантес влюбился в мою свояченицу Гончарову и просил у нее руки. Между тем я убедился, что ано-

нимное письмо было от Геккерена, о чем считаю обязанностью довести до сведения правительства и общества. Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены – почему и не требую ни правосудия, ни мщения – не могу и не хочу представлять доказательств кому бы то ни было в том, что я утверждаю.

*КАМЕР-ФУРЬЕРСКИЙ ЖУРНАЛ.
Запись. «Огонек», 1928, № 24.*

1836 г. Месяц ноябрь. Присутствие их величеств в собственном дворце. Понедельник, 23-го. С девяти часов его величество принимал с докладом военного министра ген.-адъютанта графа Чернышева, ген.-лейтенанта гр. Грабовского (и т.д.). 10 минут 2-го часа его величество один в санях выезд имел прогуливаться по городу и возвратился в 3 часа во дворец. По возвращении его величество принимал генерал-адъютанта графа Бенкендорфа и камер-юнкера Пушкина.

Комментарий. Письмо Пушкина Бенкендорфу от 21.11 и разговор поэта с Николаем 23.11 позволяют предположить, что Пушкину стало известно о беременности Екатерины и что отец будущего ребенка – Дантес. «Проговорилась», по всей вероятности, Александрина – соседка из сестер Гончаровых, с которой у Пушкина были доверительные отношения.

Н.М.СМИРНОВ. «Русск. Архив», 1882.

Пушкин не поехал на свадьбу и не принял молодых к себе. Что понудило Дантеса вступить в брак с девушкой, которую он не мог любить, трудно определить; хотел ли он, жертвуя собою, успокоить сомнения Пушкина и спасти женщину, которую любил, от нареканий света; или надеялся он, обманув этим ревность мужа, иметь, как брат, свободный доступ к Наталии Николаевне; испугался ли он дуэли – это неизвестно.

*Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ
из письма к А. П. Араповой. «Кр. нива». 1929.*

Дом Пушкиных оставался закрытым для Геккерена и после брака, и жена его также не появлялась здесь. Но они встречались в свете, и там Геккерен демонстративно продолжал восхищаться своей новой невесткой; он мало говорил с ней, но находился постоянно вблизи, почти не сводя с неё глаз. Это была настоящая бравада, и я лично думаю, что этим Геккерен намерен был засвидетельствовать, что он женился не потому, что боялся драться, и что, если его поведение не нравилось Пушкину, он готов был принять все последствия этого.

*К.К.ДАНЗАС из «Показаний
перед военным судом». 11 февр. 1837.*

Гг. Геккерены даже после свадьбы не переставали дерзким обхождением с женою его, с которою встречались только в свете, давать повод к усилению мнения, поносительного как для его чести, так и для чести его жены.

*П.И.БАРТЕНЕВ со слов П. А. Вяземского.
«Русск. Архив», 1888.*

После женитьбы Дантеса государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке, не дав знать ему наперед. Так как сношения Пушкина с государем происходили через графа Бенкендорфа, то перед поединком Пушкин написал известное письмо свое на имя графа Бенкендорфа, собственно назначенное для государя. Но письма этого Пушкин не решился посылать, и оно было найдено у него в кармане сюртука, в котором он дрался.

*Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ
из письма к А. П. Араповой, «Кр. Нива», 1929.*

Наталия Николаевна получила однажды от г-жи Полетики приглашение посетить её, и когда она прибыла туда, то застала там Геккерена вместо хозяйки дома; бросившись перед нею на колени, он заклинал её о том же, что и его приемный отец в своем письме. Она сказала жене моей (Алекс. Ник. Гончаровой), что это свидание длилось несколько минут, ибо, отказав немедленно, она тотчас же уехала.

П.И.БАРТЕНЕВ цит. по «Русск. Архиву». 1906.

Кн. Вяземский сказал Дантесу, что не может принимать его вместе с Пушкиным. Он опять явился. Тогда княгиня Вяземская напрямик ему объявила, что он рискует увидеть карету у её подъезда и услышать от швейцара, что их нет дома.

*Е.Н.МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА из письма
М. И. Мещерской. «Пушкин и его совр-ки».*

Собственно говоря, Наталия Николаевна виновата только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж. Она никогда не изменяла чести, но она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина. В сущности, она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых однако ж из-за этого принимают не хуже прежнего; но она не так искусно умела скрыть свое кокетство, и что еще важнее, она не поняла, что ее муж иначе был создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам.

*Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ со слов своей жены
Ал. Ник. Гончаровой. «Кр. Нива». 1929.*

Старый Геккерн написал Наталье Николаевне письмо, чтоб убедить её оставить своего мужа и выйти за его приемного сына. Александрина вспоминает, что Н. Н-на отвечала на это решительным отказом, но она уже не помнит, было ли это сделано устно или письменно.

*М.И. СЕМЕВСКИЙ со слов баронессы
Е.Н. Вревской. «Русск. Вестник», 1869.*

Встретившись за несколько дней до дуэли с баронессой Вревской в театре, Пушкин сам сообщил ей о своем намерении искать смерти. Тщетно та продолжала его успокаивать, как делала то при каждой с ним встрече. Пушкин был непреклонен. Наконец она напомнила ему о детях его. «Ничего, – раздражительно отвечал он, – император, которому известно всё мое дело, обещал мне взять их под свое покровительство».

Комментарий. Свидетельство Вревской ясно показывает заинтересованность Николая в обращении к нему Пушкина с просьбой о защите от Дантеса. Если бы заинтересованности не было, императору, тайно от Пушкина обязавшему Дантеса жениться, ничего не стоило снять напряжение.

Свидетельство – один из важнейших обличительных документов.

*П.В. НАЦОКИН по записи Н. И. Куликова.
«Русск. Старина». 1881.*

Данзас – веселый малый, храбрый служака и остроумный каламбурист... он мог только аккуратнейшим образом измерить шаги для барьера, да зорко следить за соблюдением законов дуэли, но не только не сумел бы расстроить её, даже обидел бы Пушкина малейшим возражением.

*Кн. В.Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева.
«Русск. Архив». 1888.*

Кн. Вяземский, с одним знакомым своим Ленским гуляя по Невскому, встречают старика Геккерна в извозничьих санях. Их удивило, что посланник едет в таком экипаже. Заметя их, он вышел из саней и сказал им, что гулял далеко, но вспомнил, что ему надо написать письма, и чтобы скорее поспеть домой, взял извозчика. После они узнали, что он ехал с Черной Речки, где ждал, чем кончится поединок. Пушкина, как более тяжело раненного, повезли домой в карете Геккерна.

*А.А. ЩЕРБИНИН из неизданных записок.
«Пушкин и его совр-ки».*

На коленях, полулежа, Пушкин целился в Дантеса в продолжение двух минут и выстрелил так метко, что если бы Дантес не держал руку поднятой, то непременно был бы убит; пуля пробила руку и ударила в одну из металлических пуговиц мундира, причем все же продавila Дантесу два ребра.

*А.Н. ВЕНЕВИТИНОВА со слов Е.А. Карамзиной.
«Пушкин и его совр-ки».*

Данзас сказал ему, что готов отомстить за него тому, кто его поразил. «Нет, нет, – ответил Пушкин, – мир, мир».

*Ф.Г. ТОЛЬ со слов княгини Е. А. Долгоруковой.
Из архива Якушкиных.*

Пушкин просил сперва князя Вяземского, а потом княгиню Долгорукову на том основании, что женщины лучше умеют исполнять такого рода поручения: ехать к Дантесам и сказать им, что он прощает им. Княгиня, подъехав к подъезду, спросила, можно ли видеть г-жу Дантес одну; она прибежала из дома и бросилась в карету вся разряженная, с криком: «George est hors de danger!» (Жорж вне опасности). Княгиня сказала ей, что она приехала по поручению Пушкина и что он не может жить. Тогда та начала плакать.

*В.И. ДАЛЬ о вскрытии тела А. С. Пушкина.
Цит. по П. Щеголеву.*

По направлению пули надобно заключить, что убитый стоял боком, вполоборота, и направление выстрела было несколько сверху вниз. Пуля пробила общие покровы живота, в двух дюймах от верхней, передней оконечности чресельной или подвздошной кости правой стороны, потом шла, скользя по окружности большого таза, сверху вниз, и, встретив сопротивление в крестцовой кости, раздробила её и засела где-нибудь поблизости.

*НИКОЛАЙ I из письма
к вел. кн. Мих. Павловичу от 3 февр. 1837.*

Дотоль Пушкин себя вел, как каждый бы на его месте сделал; и хотя никто не мог обвинять жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведение Дантеса, и в особенности гнусного его отца Геккерена. Но последний повод к дуэли, которого никто не постигает и заключавшийся в самом дерзком письме Пушкина к Геккерену, сделал Дантеса правым в сем деле. C'est le cas de dire, chasser naturel, il revient au galop. (Вот случай сказать: гони природу в дверь, она влетит в окно.)

Бар. ВАН ГЕККЕРЕН из письма к г-же Дантес от 29 марта 1837. Цит по П. Щеголеву.

Жоржу (Дантесу) не в чем себя упрекнуть; его противником был безумец, вызвавший его без всякого разумного повода; ему просто жизнь надоела, и он решился на самоубийство, избрав руку Жоржа орудием своего переселения в другой мир.

НИКОЛАЙ I по рассказу бар. Корфа. «Русск. Старина», 1900.

Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто в свете с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю как очень добрую женщину, я как-то раз разговорился с нею о комеражах (сплетнях), которым ее красота подвергает ее в обществе; я советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастья мужа, при известной его ревности. Она, верно, рассказала это мужу, потому что, увидаясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене.

– Разве ты и мог ожидать от меня другого? – спросил я.

– Не только мог, – отвечал он, – но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моей женою.

Это было за три дня последней его дуэли.

А. И. ТУРГЕНЕВ из письма к Н. И. Тургеневу от 28 февр. 1837. Цит. по «Пушкин и его совр-ки».

Жандармы донесли, а может быть, и не жандармы, что Пушкина положили не в камер-юнкерском мундире, а во фраке: это было по желанию вдовы, которая знала, что он не любил мундира;

между тем государь сказал: «верно, это Тургенев или князь Вяземский присоветовали».

НИКОЛАЙ I из письма Паскевичу от 4 февр. 1837. «Русск. архив», 1897.

Здесь всё тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимает публику и служит пищей разным глупым толкам. Он умер от раны за дерзкую и глупую картуль, им же писанную, но, слава богу, умер христианином.

А. А. ЩЕРБИНИН из неизданных записок. «Пушкин и его совр-ки».

Жена Пушкина заверяла, что не имела никакой серьезной связи с Дантесом, однако созналась, бросившись в отчаянии на колени перед образами, что допускала ухаживания со стороны Дантеса, ухаживания, которые слишком широко допускаются салонными обычаями в отношении всех женщин, но которых, зная подозрения своего мужа, она должна была бы остерегаться.

О. С. ПАВЛИЩЕВА из письма к С. Л. Пушкину от 3 марта 1837. «Пушкин и его совр-ки».

Он сказал Наталье Николаевне, что она во всем этом деле ни при чем. Право, это было больше, чем благородство, – это было величие души, это было лучше, чем простить.

□

Владимир АКСЁНОВ

родился в 1941 г. в Ленинграде.

После службы в армии окончил

Ленинградский государственный педагогический институт

по специальности «Русский язык и литература».

Работал экскурсоводом,

водил экскурсии по Пушкинским местам как в Петербурге,

так и в вотчине Пушкина – селе Михайловском на Псковщине.

В журнале «Север» публикуется впервые.

